

СОН

Ветлана Орловска

Светлана Орловска

Сон

«Издательские решения»

Орловска С.

Сон / С. Орловска — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835462-5

В осиротевшей квартире Анны после смерти близкого человека, на 9-ый день траура начинают происходить странные вещи.. Оживающие силуэты в старинном зеркале пугают мыслью о собственном безумии. Так ли это на самом деле? Следующее мгновение не дает времени на размышления, обнажая основной инстинкт. Борьба за собственную жизнь, ответственность за чужую и неизбежность встречи, уготованной ей потусторонним миром...

ISBN 978-5-44-835462-5

© Орловска С.
© Издательские решения

Содержание

Ход в Зазеркалье	6
Сон в руку	7
Пробуждение	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сон

Светлана Орловска

Неоценимую поддержку в работе над книгой мне оказали – мой муж Лукаш Орловски и моя подруга – Ирина Клестова. Спасибо, что вы всегда рядом.

© Светлана Орловска, 2016

© Лукаш Орловски, дизайн обложки, 2016

© Лилия Коледа, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-5462-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ход в Зазеркалье

Перед нами книга талантливого писателя и профессионального психолога. Герои её сюжета вплетены в тонкую ткань событий, то и дело соскальзывающих из реальности в мир, где нет привычных координат. Он творится прямо у нас на глазах игрой сознания или вдруг рождается стихийно, никому не подчиняясь. Этот мир странно подсвечен изнутри, словно отражен забытыми силуэтами в старом пыльном зеркале.

Ход в Зазеркалье – это мистическая колея, ведущая глубоко внутрь, а кажется что вовне, в другую Вселенную. В нее проваливаешься, не успевая даже на миг осознать происходящее и на всякий случай схватить хоть глоток воздуха, чтобы там осмотреться и принять новое своё местонахождение.

Сначала просто принять, двигаться, не разбирая дороги перед собой и не стремясь пока ничего осмысливать. Но между тем уже и не бросаясь срочно искать щель выхода, которая очевидно там же, где был вход. Пугающее очарование встреч с собой, своими притаившимися страхами и фобиями, вытесненными и застрявшими где-то на дне подсознания маленьким, спящим невротическим клубком, тревожит, бередит и даже ранит. Нужна перезагрузка. Не там, где движется обыденная реальность. А в этом замутненном, искривленном Зазеркалье, с его аллегориями и обнаженными нервами. Внутри себя.

Это параллельная драматургия сознания, текущая по своим правилам на фоне и в глубине прочтения текста. Вокруг него. Он обладает собственной языковой магией, заставляющей неотрывно цепляться за нить повествования. Аллюзия такая, как от просмотра длинной съемки распускающегося бутона, многократно ускоренной оператором до ожившего цветения. Это – о языке, слове, смысловой гамме чувствования. По ходу развертывания сюжета в драматургии появляются пружины, раскачивающие сознание от экзистенций к пронзительному опыту погружения в глубины любви – душевной и телесной, в их неразрывность. Эти сцены прописаны на такой высокой ноте истинного таинства между людьми, что если им суждено будет просочиться из Зазеркалья в реальный мир, то он засветится еще одним маяком. В этом тонуше ожидания автор книги оставляет читателя в конце первой её части. Надеемся, оставляет ненадолго.

Шлейф, ощутимый позади, после прочтения – художественно-терапевтический. Перегрузка. Ясность, бодрость и ничем не измеряемая благодарность. Каждый читатель увидит в книге себя – самое лучшее, что нужно для познания. Текст для читателей умных и глубоких. Для тех, кто слышит шепот в глубине событий.

Музыковед, кандидат искусствоведения,
доцент, профессор кафедры теории музыки
Национальной музыкальной академии
Украины имени П. И. Чайковского Т. В. Филатова

Сон в руку

Хмм... Что делает здесь сосед из моего детства? Помню его смутно и только потому, что однажды он, можно сказать, спас меня от падения в канализационный люк. Кому-то, зачем-то понадобилась тяжелая, металлическая крышка от него. А я была еще слишком мала, чтобы уверенно управлять тормозами нового двухколесного велосипеда. Кто знает чем бы все это закончилось – не подоспей вовремя сосед.

Не помню его имени, да кажется и не знала никогда. Не слышала его голоса... Был тихим, неприметным человеком со странной татуировкой на внутренней стороне кисти. Не помню, чтобы он с кем-нибудь заговаривал в нашем дворе.

Сейчас он что-то говорит и даже жестикулирует, помогая мне его услышать. Но я не слышу. Я ведь не знаю его голоса, хоть и изо всех сил стараюсь познакомиться с ним.

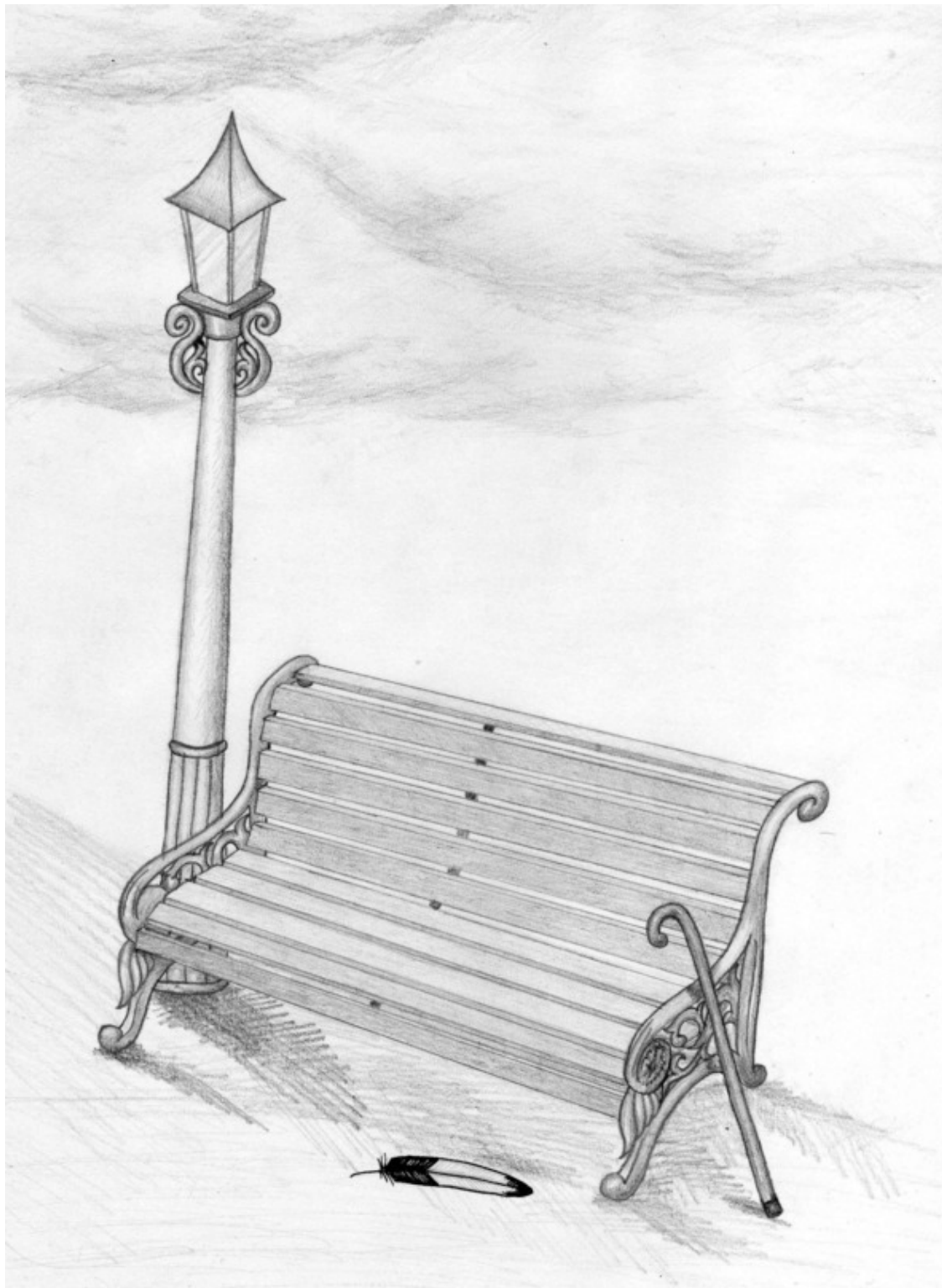
К тому же вклинивается навязчивый, как в старом, испорченном транзисторе, визгливый голос Людки из 15 кв. Надо же! И она здесь. Та самая, в сущности неплохая, сердечная девица, которую пенсионеры, дежурившие на лавке возле подъезда, всегда провожали укоризненными взглядами.

А те, что побойчее да позлобней, и шалавой могли назвать. Изнывающие от жары и от скуки старики, сфинксами сидевшие у подъезда, всегда с какой-то плотоядной радостью оживлялись на вид очередного, обнимающего Людку ухажера. А она будто и не замечала их неодобрения. И что интересно, не было это нарочито вызывающей, демонстративной позицией, показывающей всем средний палец. И не то чтобы ей совсем не было ни до кого никакого дела. Было в ней, что-то такое, что дается видимо от рождения. Какая-то гостеприимность души, радушие ко всему живому. Такое можно встретить, и то не часто, только у старших людей, которым повезло прожить интересную, полную жизнь. Повстречав такого человека, мы точно знаем определение тому, что он излучает, в свой особый способ относясь к людям и к жизни в целом. Мы зовем это мудростью.

Но Людка... Откуда взяться мудрости у ПЭТЭУшницы, 20 с небольшим лет отроду, для которой тройка в школе была той максимальной высотой, за которой зеленым светом облегчения мигал значок- переведена? И все же было в ней какое- то интуитивное понимание того, что не бывает абсолютно плохих людей – бывают несчастливые. И что жизнь неоднозначна и скоротечна. И что радоваться ей значительно приятней чем тратить понапрасну на склоки. Видимо это и раздражало особо ядовитых пенсионеров. Тех, что и потаскухой обозвать и плюнуть вслед ей могли. И столько злобы и горечи в этом было, что казалось плевок сейчас зашипит как капля на раскаленном утюге. Похоже молодая жизнелюбивая девушка невольно расстреливала их старые раны непрожитой жизни, сочащиеся горечью одиночества, неразделенной любви, упущенных возможностей. Завистью к тому, что и в их жизни могло бы быть, но не случилось...

Она все та же, какой я ее чаще всего видела. В безвкусном, ярко малинового цвета платье, которое тем не менее было ей к лицу, гармонично вписываясь в целый образ. В колготках- сеточках, геометрический рисунок которых нарушался штопкой над левой пяткой. Правда заметен этот шов был только вредным теткам- соседкам, мне и моим подружкам. Маленьким еще девочкам, но уже жадным к атрибутам взрослой и, как нам тогда казалось, настоящей женской жизни. Поклонников же девушки такие детали мало, похоже, интересовали. Как правило, их взгляды растекались на пышном, слишком приветливо – открытом декольте. Правда случались и такие, что в глаза ей заглядывали. Интересная метаморфоза в тот момент случалась с ней. Откровенный, раскатистый смех, обычно вырывающийся лавиной из жизнелюбивой Людкиной груди, вдруг рассеивался на другие нотки. Чуть более низкие, мягкие, вкрадчивые, с правильно выдержанными паузами. Она была невероятно хороша в такие моменты. Жаль, что сейчас не один из них. Нет не только ее чарующего смеха. Нет ни одного привычного

Людкиного поклонника. Диссонирует совсем пустая скамейка. Я никогда не видела ее такой сиротливо-покинутой. У нас, молодежи, практически не было шанса посидеть на ней. Она всегда была оккупирована пенсионерками так же как ветки тополя, растущего в нашем дворе, стайкой сорок. Сейчас не было ни тех, ни других. Интересно, что их спугнуло?

Только одинокая фигура в кричащем платье стоит лицом к окнам старой пятиэтажки и громко что-то выкрикивает кому-то в одном из этих окон. Я поднимаю глаза в том же направ-

лении и всматриваюсь в окна, пытаюсь понять, кому она кричит. Перебираю взглядом одно за другим поблескивающие на солнце окна. Есть что-то противоестественное в их одинаковости. Как-будто высосана из них жизнь вместе с занавесками, шторами, геранью и распахнутыми форточками. После нескольких тщетных попыток увидеть хоть что-то, появляется чувство, что отыскать в этих окнах признаки жизни равносильно тому, что поймать взгляд слепого человека, натываясь на стекла его очков.

Вместе с пониманием этого растет раздражение на соседку, которая продолжает выкрикивать какие-то отдельные фразы. Уже раздражает ее голос, ее дурацкая, не по сезону накинутая сверху платья теплая, шерстяная кофта. Зачем-то на ней теплые, не по погоде ботинки. Стоп! А действительно, почему она так тепло одета? Ведь сейчас градусов 30 – не меньше. А ей похоже вообще не жарко. В то время, как я начинаю чувствовать себя муравьем, пойманном увеличительным стеклом мальчишек – садистов на солнце. Стоя так под прямым солнечным прицелом, я чувствую как раздражение постепенно сменяется тревогой. Ты только не паникуй – уговариваю я себя. Это в жаре все дело. Она на тебя так действует. На секунду удается сдержать тревогу, но этого хватает только на глубокий вдох. А следом в голове загорается предупреждающая лампочка сирены- Бежать! Спасаться! Ноги, не дожидаясь команды сверху, несут меня к подъезду. Мой основной инстинкт включается раньше, чем до сознания доходят признаки того, кого я никогда не видела, но чувствовала убегающей спиной всю его опасность. Не раз слышала его дыхание. Догоняющее, прилипающее к позвоночнику. Ползущее вверх по затылку тысячами иголок, от которых волосы на голове начинают шевелиться.

Страх подполз к горлу, съежившись в один тяжелый, твердый ком. Хочется кричать, но открытый в ужасе рот издает звуков не больше, чем выброшенная на берег и бьющаяся в агонии рыба. Он лишил меня голоса, хладнокровно обрезав провода сообщения с внешним миром.

Ноги не сдаются. Они несут меня по знакомым ступенькам к родной квартире. Перескочив последние две, оказываюсь на своем этаже и буквально налетаю на дверь... заперта! Бешено колочу по старому дермантину руками и ногами. Задыхаясь, из последних сил нажимаю пальцем на кнопку дверного звонка, вложив в него все свое желание жить.

Пробуждение

Дверной звонок зазвучал мелодией будильника на телефоне. Я не сразу поняла, что проснулась. Сердце бежит как после марафона, пижама вся пропиталась потом, а одеяло беспорядочным комком сброшено на пол. Фух... Ну надо же такому присниться! Как же хорошо понять, что это был всего лишь сон! Тело в облегчении обмякает, мышцы постепенно расслабляются. Я тяну на себя одеяло, начиная замерзать под влажной тканью пижамы. Какое-то время лежу, глядя в потолок в полной прострации. Так хочется зависнуть надолго в этой депривации, пока мозг перегружается после ночного кошмара. Но мой мозг загружается быстро, слишком быстро. То, что происходит потом, похоже на взрыв. В голове вспыхивает ярким светом мысль – она умерла! и беззвучными, быстрыми клубами боли расплзается по телу. Почему-то вспомнилась хроника Хиросимы и Нагасаки, которую я увидела впервые в бабушкином черно-белом телевизоре с испорченным звуком. Наблюдая за немой картиной смерти, я слышала доносившееся из кухни шипение бабушкиных оладьев на сковороде.

Не помню, чтобы я тогда испытывала сострадание к японцам. То ли была еще слишком мала, то ли уютный запах бабушкиных оладьев окружал меня невидимой пеленой безопасности. Пока бабушка была жива – это чувство всегда было со мной. Казалось, что так будет вечно. Но сегодня ровно девять дней, как ее нет. Смерть проткнула мой пуленепробиваемый вакуум легко и внезапно, как мыльный пузырь, оставив один на один с болью. Беспощадной, неумолимой... Я не знаю как с ней справиться. Только сильнее сжимаюсь в калачик, как будто это поможет увернуться от ритмичных, в такт моему пульсу, ударов проклятой боли. Бабушка больше не защитит, не прогонит обидчицу, не положит компресс на разгоряченный лоб, не помажет зеленкой содранные коленки. Не обуздает своим волшебным «тшшшш... Все пройдет» – любую проблему.

«Бабулечка, моя любимая, как же я тоскую по тебе», – шепчу я, тихо поскуливая, как брошенный слепой щенок, оторванный от матери. Слезы, ничем не сдерживаемые, заливают лицо, скатываются по вискам, попадая в уши. Затекают в полуоткрытый рот, заставляя пробовать вкус соленой горечи утраты.

Не знаю сколько времени лежу так, пока слезы не заканчиваются и отчаяние сменяется опустошением. Медленно приподнимаясь, сажусь на кровати, привыкая к вертикальному положению. Автоматически шарю ногами по холодному полу, нащупывая тапочки. С трудом встаю и направляюсь в ванну. Холодная вода приводит в чувства. Надо бы что-то съесть, но единственное, что сейчас я могу в себя впихнуть – это чашка крепкого, горячего кофе. Запивая его, успеваю перехватить булькающую жижу, прежде чем она зальет всю плиту. Горячая чашка согревает приятно руки.

Медленными, ароматными глотками возвращаю себя к способности кое-как жить. Не выпуская чашки из рук, плетусь длинным коридором в свой кабинет. Надо попробовать поработать. Работа всегда мне помогала. Окунаясь в эскизы, я забывала про реальность, погружаясь в свой собственный мир, в котором все жило по моим законам.

В тишине коридора я слышу только шарканье собственных тапочек да легкое поскрипывание старых, деревянных полов. Прогибаясь, половицы сдержанно вздыхают, переживая вместе со мной утрату их любимой хозяйки.

На середине коридора задерживаюсь перед массивным, инкрустированным по дереву серебром, бабушкиным зеркалом. Я его помню столько же, сколько себя. Когда-то моя подруга, знаток и большая поклонница антиквариата, предложила выставить зеркало на аукцион.

«Эх! Была бы я побогаче, сама бы вам кругленькую сумму за него отвалила! Но мне и за три жизни на такое произведение искусства не заработать. А вы, продав его, можете вообще уже ни о чем не беспокоиться. Денег хватит на всю оставшуюся жизнь!» – сказала Мила.

Я видела как бабушка, поджав нижнюю губу, что было признаком ее крайнего недовольства, сказала: «Не тот богат, у кого много, а тот, кому хватает. Нам, с Божьей помощью, всего хватает». И остаток пребывания госты у нас, – уже сидела отстраненная, не участвуя в беседе, как с Милой мы не пытались ее разговорить. Но, как только я закрыла за Милой дверь, бабушка уже стояла у меня за спиной. Обернувшись, я испуганно вскрикнула от неожиданности.

«Бабушка, Господи, как ты меня напугала! Ты вообще понимаешь, что такие телепортации в твоём возрасте не так уж безопасны для здоровья и для моих чувствительных нервов!»

Но похоже именно в тот момент, что редко случалось вообще- то, бабушку мало интересовали мои нервы. Ее зеленые глаза, всегда такие любящие и ясные, совсем не похожие на выцветшие глаза ее сверстников, сейчас блестели осколками холодного стекла.

«Пообещай мне, что никогда, ни при каких обстоятельствах, ты не продашь это зеркало! Обещай, что передашь его своей дочери и проследишь за тем, чтобы она передала его своей. Что будешь беречь его как зеницу ока и сделаешь все от тебя зависящее при жизни, чтобы зеркало осталось в нашей семье!»

Она говорила низким, очень тихим голосом, но не услышать ее было невозможно. Я поспешно пообещала, видя как это важно для нее. Мне конечно хотелось у нее спросить почему она так привязана к этому зеркалу, но бабушка всем своим видом показала, что тема закрыта. В своем неподражаемом стиле, как умела только она – сказать, поставить точку, не произнеся ни слова. И я отступила.

Но уже вечером, за нашим традиционным чаепитием, снедаемая любопытством, я все же попыталась ее разговорить.

Бабушка с задумчивой грустью тогда посмотрела на меня. Потом мягко накрыла мою ладонь своей сухой, холеной, с невероятно длинными пальцами кистью и спокойно сказала: Жизнь по разному учит людей. И тебе, моя девочка, тоже придется пройти до конца ее школу. Иногда уроки, которые она преподает, валят с ног. Знай, сила, которая всегда поможет тебе подняться, как бы жизнь не укладывала тебя на лопатки, заключена в этом зеркале. В него смотрелось не одно поколение женщин нашего рода. И, упреждая мои дальнейшие вопросы, добавила: «Придет и твое время все узнать».

...Это время настало, бабушка! Я сейчас не то что на лопатках, я разобрана на кусочки, как тряпичная кукла, с болтающимися конечностями на тонких, потертых нитях. Разве может быть хуже?! Как же мне может помочь твое зеркало?!

Задрапированное куском черной кружевной ткани, которую привезла с собой Мила, оно безмолвно и безучастно. Как лицо вдовы под черной вуалью.

Глядя на его винтажные бока, вспоминаю как маленькой девчушкой я подолгу занимала ванну, то прихорашиваясь, то строя рожицы перед зеркалом.

Бабушка терпеливо ждала когда я накривляюсь, а потом, заплетая мои косы сказала, что зеркало человеку может как добрую службу сослужить, так и злую.

Мое знакомство с мифологией началось с мифа о Нарциссе, который она мне тогда первый раз рассказала. А потом добавила: «Зеркало как мед – в малых дозах лекарство, а в больших – яд». Позже я от нее узнала о предании, как злые духи однажды подарили людям зеркало. «Они не хотели, – рассказывала она, – чтобы человек оставался наедине с собой, со своими мыслями и душой. Зеркало обманывало человека, создавая иллюзию, что он не одинок. Уводя его далеко – далеко от понимания себя. Помни об этом внучка, чтобы не попасться в эту коварную ловушку».

...Эх, бабушка! Я сейчас и на иллюзию согласна, только бы уменьшить боль одиночества. Я стою так близко к зеркалу, что вижу слабые очертания своего силуэта сквозь тонкое кружево. Мне почему-то совсем не хочется сходить с этого места. Словно, что-то удерживает меня. Неужели я действительно надеюсь и жду помощи от зеркала? Дааа... Если так и дальше

пойдет, то похоже Мила меня таки познакомит со своим новым другом психиатром. Ему должен быть интересен новый зеркальный метод лечения, как альтернатива классической психиатрии. Хотя, памятуя одну из моих клиенток, – даму эксцентричную и с большой претензией, которая в результате как оказалось, была довольно известным в определенных кругах психиатром, я понимаю, что этот вопрос может оказаться спорным. Исход напрямую может зависеть от того, чьи аргументы будут убедительней. И будем мы, как Рагин с Громовым из шестой палаты Антона Павловича, вместе в зеркало заглядывать.

Как говорила бабушка, «в жизни все может быть». Даже то, чего не может быть.

Нуу не может же быть например, чтобы твой силуэт в зеркале шевелился, в то время как ты сама стоишь неподвижно? Правда? Это просто оптический обман. Или галлюцинация? – спрашиваю у себя. И что я должна сама себе ответить? А может дружным хором всех голосов моего дебютирующего психоза спросим у зеркала? Ну типа: «Свет мой зеркальце, скажи, да всю правду доложи...!» Если ответит – звоню Милке, решила я, но сначала сниму кружево. Похоже это оно своей кружевной паутиной создает эффект движения. Не успеваю протянуть руку, как снова мерещится. Я же еще не дотронулась до ткани, а она сама медленно стекает по зеркальной глади. Шутить уже не получается и я просто зажмуриваю глаза от страха, как в детстве. Тогда этот фокус выручал. Если не вижу того, что пугает – значит и нет страшилки. А если и есть, то она меня не увидит. Я же ее не вижу! О, блаженная детская наивность! Как легко тогда можно было спрятаться подобным образом от проблемы. Бабушка, заставая меня в такой обороне, всегда мягко отнимала мои запотевшие ладошки от лица, гладила по волосам, а потом мы вместе шли посмотреть на то, что меня так сильно напугало. И всегда оказывалось, что ничего страшного-то и не было. Но я все равно чувствовала себя победительницей и героиней. Бабушка улыбалась тогда, глядя как я раздуваюсь от гордости. И всегда добавляла: «Моя смелая девочка, помни, врага всегда нужно знать в лицо. Иначе как ты сможешь его победить?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.